

УДК 94(47).084

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-253-263

СОБЫТИЯ 1917 ГОДА В ВОСПОМИНАНИЯХ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Е.А. Котеленец, М.О. Сергеева

Российский университет дружбы народов
Москва, Россия, kotelelena@yandex.ru

В статье анализируется отношение российской творческой интеллигенции к революционным событиям 1917 г. в России. Изучаются дневники и мемуары И. Бунина, Н. Бердяева, М. Горького, Ф. Степуна, З. Гиппиус и др. Рассматривается эволюция отношения интеллигенции к революции (от восторга до полного отрицания); изучаются причины, подтолкнувшие отдельных ее представителей к эмиграции.

Ключевые слова: творческая интеллигенция, революция, эмиграция, мемуары

Введение. Революционные события 1917 г. имеют огромное значение не только для России, но и для всего мира. Они задали новый вектор развития истории нашей страны. Впервые в истории человечества появилась альтернатива существовавшему на тот момент общественно-политическому строю, которая была чрезвычайно привлекательна для всего мира. Позднее, в середине XX в., это назовут «русским чудом» [1, с. 125].

Цель данного исследования – понять, как к событиям 1917 г. относились представители российской интеллигенции, образованнейшие люди того времени. Согласно замечанию М.Л. Гаспарова, интеллигенция всегда была «осознавателем общественных движений», «частью народа, [которая] чувствует то же, что и народ, но в силу лучшего образования лучше это осознает и дает этому выражение» [2, с. 84].

Уровень образования и кругозор позволяли представителям творческой и научной интеллигенции смотреть шире на проблемы государственного и политического управления, составлять более полную картину того, что происходило в стране. Большинство современных исследователей изучают процесс самопознания и самокритики представителей русской интеллигенции, но не изучают динамику их отношения к революции, принимая ее как историческую данность. Зачастую исследователи противопоставляют лишь две точки зрения: «за» и «против» революции. Они рассматривают проблему противостояния интеллигенции и власти, но не анализируют проблему комплексно. Работ,

прослеживающих динамику отношения российской интеллигенции к революции 1917 г. от начала века до первой волны эмиграции, крайне мало.

Основной источник исследования – свидетельства современников революции. В данной работе использованы дневники, мемуары и воспоминания известных представителей творческой интеллигенции: И. Бунина, З. Гиппиус, Ф. Степуна, М. Горького, С. Трубецкого, Н. Бердяева и др. Выбор определяется их популярностью, влиянием на отечественную и зарубежную литературу. И. Бунин – первый российский писатель, получивший Нобелевскую премию по литературе; З. Гиппиус – одна из основоположниц нового литературного течения, русского символизма, Ф. Степун – известный литератор и философ; М. Горький – журналист, писатель и драматург, номинированный на Нобелевскую премию пять раз; князь С. Трубецкой – писатель и военный; Н. Бердяев – философ, автор оригинальной концепции философии свободы.

Методом исследования послужил компаративный анализ мемуарной прозы, что позволило выявить основные тенденции восприятия событий 1917 г. среди представителей творческой интеллигенции Серебряного века.

Тема революционных событий 1917 г. в России привлекала многих исследователей. Однако большая часть работ направлена на анализ взаимоотношений интеллигенции и власти, значительная часть из которых, в особенности советского периода, имеют яркую политическую окраску. Д.С. Лихачев отмечал: «Мы слишком часто употребляем выражение “гнилая интеллигенция”, представляем ее себе слабой и нестойкой потому, что привыкли верить следовательскому освещению дел, прессе и марксистской идеологии, считавшей только рабочих “классом-гегемоном”. Но в следственных делах оставались лишь те документы, которые играли на руку следовательской версии, выбитой из последственных иногда попытками, и не только физическими» [3, с. 4].

Большая часть исследований посвящена обзору и краткому анализу мемуаров того или иного писателя с литературной точки зрения. Среди них необходимо отметить «Петербургские дневники З. Гиппиус» (2004) А.Н. Новожиловой, «Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования» (2011) А.Л. Смирновой, ««Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века» (1997) А.Г. Тартаковского, «Русская мемуаристика первой половины XIX века: проблемы жанра и стиля» (1997) О.В. Мишуковой «Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях» (2009) А.Д. Гудкова и Б.В. Дубинина и др.

Необходимо также отметить ряд работ, рассматривающих общие вопросы культуры, без которых было бы сложно понять и проанализировать обстановку того периода и выявить взаимосвязь различных событий. Например, исследование Г.Ю. Стернина «Художественная жизнь России начала XX века» (1976) и монография В. С. Купцовой «Художественная интеллигенция России: размежевание и исход» (1996) освещают общие вопросы культуры того времени и роли в них интеллигенции. В работе Ю.С. Калашникова «Русская художественная культура конца XIX – начала XX века»

(1968) определена методология исследования художественной, литературной и научной жизни как составной части культуры. Среди работ, изданных за последнее время, необходимо отметить монографию В.В. Галина «Война и революция» (2004), а также работу С.А. Красильникова «Интеллигенция – общество – власть: российский “треугольник” XX века» (1999).

Исследование проблемы. Русская интеллигенция – часть сложного исторического явления. Важно понимать, что в начале XX в. процент грамотного населения России, умевшего читать и писать, не превышал 27% [4, с. 327]. И это лишь статистические данные переписи населения, отражающие базовый уровень грамотности страны. В то же время представители интеллигенции получали первоклассное образование, многие учились за рубежом, впитывая в себя знания самых различных культур. Д.С. Лихачев отмечал, что интеллигенции была присуща прежде всего «независимость мысли при европейском образовании» [3, с. 3]. С ним соглашался М.Л. Гаспаров, определяя «русскую интеллигенцию» как «западный интеллектуализм (носитель духовных ценностей), перенесенный на русскую почву» [5, с. 14]. Именно эта социальная группа особенно интересна в контексте исследования особенностей восприятия Русской революции 1917 г. современниками.

Следует отметить особое политическое положение представителей интеллигенции в России. Одной из отличительных особенностей является то, что отношение ее к власти и к народу определяет модель поведения, своего рода «координаты семантического пространства» [6, с. 5]. Задача автора – отбросить оценочные суждения и попытаться взглянуть на феномен интеллигенции в начале XX в. максимально беспристрастно.

Интересное, на наш взгляд, мнение о роли интеллигенции высказывал М.Л. Гаспаров. В статье «Русская интеллигенция как отводок европейской культуры» он писал, что «общественную роль интеллигенции стоило бы определить не словом “оппозиционность”, а более широким: “авангард, разведка, эксперимент”. Будучи шире образованной, более динамичной, менее закостенелой в традиционном мышлении, она выступает на первый план в те моменты, когда общество оказывается в непривычной критической ситуации, и реакции накопленного массового опыта не срабатывают» [5, с. 20]. Данная цитата достаточно точно описывает ситуацию в Российской империи, предшествовавшую событиям 1917 г.

Начало XX в. в России характеризовалось социальным и психологическим кризисом. Представители творческой интеллигенции пытались найти смысл своего существования в культуре и искусстве других стран. Никогда раньше русские художники, поэты и писатели столько не путешествовали: Н. Гумилев несколько раз ездил в Африку, И. Бунин – в Индию, К. Бальмонт – в Мексику, А. Белый – в Египет. В их творчестве прослеживались как мотивы путешествий, так и сюжеты, заимствованные из иностранного фольклора. Вместе с тем неуклонно рос интерес к народному творчеству, отечественной истории. А. Рябушкин писал картины боярской Москвы, Н. Рерих вдохнов-

лялся сюжетами языческой Руси, В. Васнецов заимствовал идеи из русских народных сказок. Влияние «допетровской» России прослеживается в музыкальных произведениях И. Стравинского, К. Лядова, Н. Римского-Корсакова [5, с. 23].

На этом фоне события Первой мировой войны выглядят особенно трагично. Творческая интеллигенция пыталась переосмыслить свое место в мире, найти новый вектор развития государства. Но вместо этого оказалась перед угрозой уничтожения страны. Первая мировая война, с точки зрения экономики, имела тяжелые последствия для России. Творческая интеллигенция, которую, по признанию З.Н. Гиппиус, называли «совестью и разумом России» [7, с. 8], «единственным “словом” и “голосом” России, немой, притайно-молчащей – самодержавной» [7, с. 9], мучительно искала выход. Уже к 1915 г. в воздухе появляется предчувствие будущей катастрофы. Им наполнены все дневники, заметки и письма.

З.Н. Гиппиус в начале 1917 г. пишет в «Петербургских дневниках»: «Через год, через два, но будет что-то, после чего: или мы победим войну, или война победит нас. Ответственность громадная лежит на наших государственных слоях интеллигенции, которые сейчас одни могут действовать» [7, с. 62]. Об этом писал и Ф. Степун в «Бывшем и несбывшемся». Он отмечал, что страна находится в критической ситуации, но правительство не принимает должных мер, теряет время, что грозит катастрофой: «Всем было ясно, что Россия может быть спасена только радикальными и стремительными мерами. Но на такие меры власть была окончательно неспособна. Тень себя самой, изнутри безвольная, а потому и во вне бессильная, она, словно тяжело больной, лихорадочно металась от либеральной подачи к реакционной урезке и обратно» [8, с. 129]. В чувствах страха за родину, безнадежности, бессилия признается и князь Трубецкой в своих воспоминаниях: «Я как никогда ощущал, что что-то “фатальное” нависло над Россией: злой Рок витал над ней. [...] Революцию 1917 года менее всего можно назвать “неожиданной”, хотя никто, конечно, не мог предсказать ее сроки и формы. Я совершенно ясно помню предшествовавшее ей гнетущее чувство мрачной обреченности. Я никогда не ощущал этого чувства столь ясно и сильно, как именно тогда» [9, с. 145].

Чувство тревоги буквально висело в воздухе. Историк искусства Н. Тарабукин вспоминал, что накануне Февральской революции в Петрограде «было волнующе тревожно. Дул порывистый ветер и вместе с ним откуда-то издалека предчувствия небывалого, манящего, пьянящего. На лицах было таинственное ожидание, озабоченность» [10]. Бердяев подчеркивал, что «революция была религией» [11, с. 56]. М. Горький в «Несвоевременных мыслях» писал: «Русский народ обвенчался со Свободой. Будем верить, что от этого союза в нашей стране, измученной и физически, и духовно, родятся новые сильные люди» [12, с. 63].

И в этот «канунный час» [8, с. 129], как позднее отмечал Ф. Степун, творческая интеллигенция видела спасение страны лишь в одном – в революции.

«В безвыходные минуты, – продолжал он, – мы всегда склонны принимать новое за светлое» [8, с. 170]. Революция воспринималась как очищение, свобода, «чудо» [7, с. 78], она была «светлой, как первая влюбленность» [7, с. 95].

Новый вектор развития страны, надежда выйти из кризиса, – все это окрыляло творческую интеллигенцию, которая считала себя ответственной за все изменения в России. Ярче всего эта идея прослеживается в дневниках З.Н. Гиппиус, которая беспрестанно пишет: «Ответственность громадная лежит на наших государственных слоях интеллигенции, которые сейчас одни могут действовать» [7, с. 62].

Чувство восторга захлестнуло творческую интеллигенцию. Если в начале 1917 г. все мемуары дышали тревогой и беспокойством, то уже в марте все дневники взорвались восторгами. «А какое счастье нам выпало в жизни. Все еще не верится <...> Какое счастье» [13, с. 198], – видим мы в переписке И. Репина. «Да, я несказанно счастлив, что дожил до этих дней», – делился своими чувствами с друзьями художник Поленов [14, с. 675]. К. Бальмонт даже написал гимн «Да здравствует Россия, свободная страна!». А. Бенуа, К. Станиславский, Б. Кустодиев, В. Немирович-Данченко, И. Грабарь, – все они называли февральские события великими и радостными. К. Петров-Водкин писал матери о том, какая «чудесная жизнь ожидает нашу родину» [15, с. 129]. «Очищение» и «обновление» – вот что виделось за этим катаклизмом» [12, с. 27]. Ф. Степун отмечал, что «революция представляет собою нечто более реальное, чем Россия» [8, с. 187].

Интеллигенция мечтала о демократии, об обновлении, развитии России. Революция в их глазах была «чудом рождения новой жизни» [7, с. 92], «судорогой», по мнению М. Горького, «за которую должно следовать медленное и планомерное движение к цели, поставленной актом революции» [12, с. 89].

Однако надеждам творческой интеллигенции не суждено было сбыться. Как отмечает в исследовании «Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века» Г.А. Бордюгов, в 1917 г. история предложила народу России две формы демократии. Первую – «европейскую», которую представляло собой Учредительное собрание, опиравшееся на думские традиции. И вторую, ранее не известную и не опробованную в истории, – Советскую, созданную народом, снизу. Однако, очень скоро первые подчинились белым генералам с их стремлением реставрировать монархию, а вторые пришли к принципу однопартийности и милитаризма. И в результате страна выбирала не между двумя формами демократии, но между двумя формами диктатуры: «красной» и «белой» [16, с. 34]. Этот выбор был этически неприемлем для большей части творческой интеллигенции.

Необходимо понимать, что отношение интеллигенции к «Октябрю» было неоднородным, в отличие от февральских событий. Если «Февраль» воспринимался с восторгом как единственно возможный выход из кризиса, то «Октябрь» вызвал самую противоречивую реакцию. Были те, кто еще до

революции поддерживал большевистские идеи, кто приветствовал становление советской власти и даже принимал участие в революционных событиях. В их числе А. Блок, К. Тимирязев, В. Брюсов, А. Таиров, В. Мейерхольд. Многие из тех, кто поддержал революцию, были выходцами из крестьянского сословия, например, В. Маяковский, С. Есенин. Были и те, кто колебался, не мог однозначно определить, какую сторону поддержать. Но большая часть творческой интеллигенции не смогла принять «Октябрь».

Последовавший за ним кризис подтолкнул интеллигенцию к пересмотру позиций. Голод, невозможность найти работу, замкнутая бюрократическая система, – все это принуждало творческих людей эмигрировать из страны. Так, М. Шагал, в начале поддержавший революцию, писал в дневнике: «Голодные глотки славят октябрь» [17, с. 68], «я громко кричу: разве вы не замечаете, что мы уже вступили на помост бойни и вот-вот включают ток?» [17, с. 77]. Об этом же писали Ф. Степун, З. Гиппиус, С. Трубецкой и многие другие представители интеллигенции, которые сходились на мысли, что «все переходило в состояние бесформенности и разложения», «Россия погружалась в засасывающее болото грязной и кровавой революции» [9, с. 153]. Повсюду звучало одно слово: «голодно» [17, с. 40]. Творческая интеллигенция в большинстве своем оказалась не только в политической, но и в социальной изоляции. Обычный народ и круг творческих, интеллигентных людей разделяла непреодолимая пропасть, которая с каждым днем становилась все глубже. С одной стороны, в обществе начала развиваться индустрия культуры, но ее уровень был откровенно низким. Представители творческой интеллигенции оказались оторваны от социума и не смогли принять свое новое положение, что, впоследствии подталкивало их к эмиграции [25, с. 22]. Для творческой интеллигенции в одночасье наступили «противные, черные, страшные и стыдные дни» [7, с. 115]. Надежды и восторги в дневниках уступают место всепоглощающему страху. И. Бунин описывает «оргии смерти» и «дьявольского мрака» [20, с. 70], Ф. Степун вспоминает «апокалиптический круг», где «очереди на гроба были так же длинны, как на хлеб» [8, с. 255]. С. Трубецкой говорит о том, что «моральное разложение» и «яд» проникали повсюду [9, с. 205]. М. Горький, положительно принявший революцию, начал задаваться вопросом: «А не захлебнемся ли мы в грязи, которую так усердно разводим?» [12, с. 63]. З. Гиппиус описывает октябрь 1917 г. в дневниках: «Противные, черные, страшные и стыдные дни!», «Бежать некуда. Родины нет» [7, с. 115–116].

Как отмечают некоторые исследователи, «культурная элита пришла к выводу, что в результате революции оказались разрушены все жизненные функции государства» [21, с. 78]. Анализируя сложившуюся ситуацию, А. Седлер заключает, что многие представители творческой интеллигенции разочаровывались в социальной пользе своей работы, а на первый план выходили вопросы социальной адаптации и физического выживания [22, с. 108].

В этой атмосфере гражданской войны и классовой ненависти представители творческой интеллигенции оказывались в невероятно сложной ситуации,

встав перед дилеммой: «совесть» и «целесообразность» [23]. На одной чаше весов были совесть, честь, достоинство, – внутренние ограничители, которые определяли саму суть жизни творческой интеллигенции. А на другой чаше – целесообразность, необходимость подстраиваться под изменившиеся условия и социальную систему. Многие из представителей творческой интеллигенции не могли принять то, как изменилась страна и общество.

Выводы. Воспоминания представителей творческой интеллигенции Серебряного века имеют особое значение. Мемуарная проза совмещала в себе лично-исповедальный и объективно-познавательный аспект [24, с. 203]. Как отмечает Н.Н. Кознова, в этих мемуарных произведениях нашли свое отражение различные взгляды на историческое прошлое России и попытки предвидения его будущего, раздумья о судьбе страны [25, с. 115].

В ходе исследования была выявлена динамика изменений отношения творческой интеллигенции к российским событиям 1917 г. Схематично это отношение можно разделить на четыре этапа. Первый – напряженное ожидание изменений, обусловленное неспособностью правительства России в короткие сроки решить проблемы, связанные с Первой мировой войной. Второй этап – это восторг по поводу «Февраля». В тот момент творческая интеллигенция воспринимала революцию как единственно возможный вектор развития событий, вкладывала в него все надежды. Третий этап включает в себя разочарование в связи с захватом власти в «октябре». Четвертый, завершающий, этап демонстрирует проявившиеся уже после 1917 г. ужас и неприятие революционных изменений, которые стали причиной эмиграции из страны части творческой интеллигенции.

© Котеленец Е.А., Сергеева М.О., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Лукьянов С.С.* Революция и власть // Смена Вех. Прага. 1921. Т. 2.
- [2] *Гаспаров М.Л.* Интеллигенция и революция // Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- [3] *Лихачев Д.С.* О русской интеллигенции: письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.
- [4] *Корелин А.П.* Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: Блиц, 1995.
- [5] *Гаспаров М.Л.* Русская интеллигенция как отводок европейской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. Международная конференция; май 1997, Неаполь. М.: О.Г.И., 1999. Вып. 2.
- [6] *Успенский Б.А.* Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. Международная конференция. Май 1997, Неаполь. М.: О.Г.И., 1999. Вып. 2. С. 5–12.

- [7] *Гиппиус З.Н.* Петербургский дневник. М.: Сов. писатель: Ред.-произв. агентство Олимп, 1991.
- [8] *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. В 2 т. Т. 1. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова 1956.
- [9] *Трубецкой С.Е.* Минувшее. М.: ДЭМ, 1991.
- [10] Воспоминания Н.М. Тарабукина. Рукопись. Собр. В. И. Костина, М., 1920.
- [11] *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990.
- [12] *Горький М.* Несвоевременные мысли. М., Книга по требованию, 2016
- [13] *Ретин И.Е.* Письма к писателям, литературным деятелям. М., 1950.
- [14] *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов, Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художников. М., Искусство, 1964.
- [15] *Петров-Водкин К.С.* Письма. Статьи. Выступления. Документы. М.: Советский художник. 1991.
- [16] *Бордюгов Г.А.* Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века. М.: АИРО-XXI, 2012.
- [17] *Шагал М.З.* Моя жизнь. М.: Азбука, 2000.
- [18] *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. М.: Эксмо, 2015.
- [19] *Ebert C.* Sinaida Hippus: Seltsame Nahe. Berlin: OberbaumVerlag, 2004.
- [20] *Бунин И.А.* Окаянные дни. Изд. 2-е. М.: Дарь, 2014.
- [21] *Воскресенская М.А.* Русская революция в представлениях и оценках культурной элиты конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 314. С. 75–82.
- [22] *Седлер А.А.* Повседневность интеллигента: опыт выживания в период революционных трансформаций (начало 1920-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 105–108.
- [23] *Шлосберг Л.М.* Совесть и целесообразность? // Радио Свобода. URL: <http://www.svoboda.org/a/28141943.html>. Дата обращения: 19.12.2016.
- [24] *Gaiton Marullo T.* Ivan Bunin: Russian Requiem, 1885–1920: A Portrait from Letters, Diaries, and Fiction, Chicago, 1993.
- [25] *Кознова Н.Н.* Мемуарная проза русских писателей-эмигрантов: осмысление революционной стихии в России XX века // Преподаватель XXI век. М., Изд-во «Прометей» МПГУ, 2007. № 4. С. 110–116.

История статьи:

Поступила в редакцию: 19 ноября 2016 г.

Принята к печати: 12 апреля 2017 г.

Об авторах:

Котеленец Елена Анатольевна – д.и.н, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов; Почтовый адрес организации: 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

Сергеева Мария Владимировна – аспирантка кафедры истории России Российского университета дружбы народов. Почтовый адрес организации: 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

1917 EVENTS IN MEMORIES OF THE SILVER AGE CREATIVE INTELLIGENTSIA

E.A. Kotelenets, M.O. Sergeeva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russia, kotelelena@yandex.ru

The article analyzes the attitude of the Russian artistic intelligentsia to the revolutionary events of 1917. There are studied the diaries and memoirs by Bunin, Berdyaev, M. Gorky, F. Stepun, Z. Gippius, P.A. Sorokin et al. Besides, the authors consider the dynamics of the intellectuals' attitude to the revolution, from delight to complete denial. There are analyzed the reasons which encouraged the creative intelligentsia to emigrate.

The Silver Age creative intelligentsia representatives' memories are of particular importance. Memoir prose combined the personal-confessional and objective cognitive aspects. As noted by N.N. Koznova, these memoirs reflected different views of the historic past of Russia, the attempts to predict its future as well as the thoughts about the fate of the country.

Modern researchers study the Russian intelligentsia representatives' self-discovery and self-criticism processes, but do not study the dynamics of their attitude to the revolution, taking it as a historical reality. The main purpose of the study is to see the way the creative intelligentsia of the Silver Age changed their attitude to the events of 1917.

In the course of the study there was revealed the dynamic change of the creative intelligentsia attitude to the events of 1917. Schematically, this attitude can be divided into four stages. The first stage was breathless expectation of changes associated with the inability of the Russian government to resolve the problems related to the First World War in the short term. This expectation of change was primarily caused by the crisis due to the military events. The second stage was the enthusiasm about the February Revolution. At that time the creative intelligentsia perceived the revolution as the only vector of development and attached all hopes to it. The third stage was disappointment at the seizure of power in October 1917. The fourth and final stage was horror and aversion which became obvious already after 1917, which subsequently encouraged creative intellectuals to emigrate.

Keywords: creative intelligentsia, revolution, emigration, memoirs

REFERENCES

- [1] Lukianov SS. [The revolution and the power]. *Smena Vek* [Changing Milestones]. Prague, 1921; 2: 10–12 (in Russian).
- [2] Gasparov ML. Intelligentsiya i revolyutsiya [The intelligentsia and the Revolution]. In: *Zapisy i vypisky* [Notes and extracts]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenye; 2012, p. 84–86 (In Russian).
- [3] Likhachev DS. [About Russian intelligentsia letter to the editor]. *Novuy mir* [New world]. 1993; (2): 3–9 (in Russian).
- [4] Korelin AP. *Rossiya 1913 god. Statistiko-dokumental'nyi spravochnik* [Russia 1913. Statistical and documentary handbook]. St-Peterburg: Blits; 1995 (in Russian).

- [5] Gasparov ML. [Russian intelligentsia as an offshoot of Russian culture]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya «Russkaya intelligentsiya i zapadnyi intellektualizm: Istoriya i tipologiya»*; *Mai 1997, Neapol'* [Russian intellectuals and Western intellectualism: history and typology International Conference. May 1997, Naples]. Moscow: O.G.I., 1999; 2: 14–23 (in Russian).
- [6] Uspenskii BA. [The russian intelligentsia as a specific phenomenon of Russian culture]. *Russkaya intelligentsiya i zapadnyi intellektualizm: Istoriya i tipologiya: Mezhdunarodnaya konferentsiya. Mai 1997, Neapol'* [Russian intellectuals and Western intellectualism: history and typology International Conference. May 1997, Naples]. Moscow: O.G.I., 1999; 2: 5–12 (in Russian).
- [7] Gippius ZN. *Peterburgskii dnevniki* [The Petersburg's diary]. Moccow: Sovetskiy pisatel', Olimp; 1991 (in Russian).
- [8] Stepun FA. *Byvshee i nesbyvsheesya* [The former and unfulfilled]. New-York: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1956; 1 (in Russian).
- [9] Trubetskoi SE. *Minuvshee* [The past]. Moscow: DEM; 1991 (in Russian).
- [10] *Vospominaniya NM. Tarabukina. Rukopis'.* *Sobr. V. I. Kostina* [Memories of N.M. Tarabukina. Manuscript. Collection V.I. Kostin]. Moscow, 1920 (in Russian).
- [11] BerdyaevNA. *Samopoznanie (opyt'filosofskojavtobiografii)* [The self-knowledge is the experience of philosophical autobiography]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1990 (in Russian).
- [12] Repin IE. *Pis'ma k pisatelyam, literaturnym deyatelyam* [Letters to the writers, literary figures]. Moscow: Izobrazitel'noe Iskusstvo; 1950 (in Russian).
- [13] Sakharova EV. *Vasilii Dmitrievich Polenov, Elena Dmitrievna Polenova. Khronika sem'i khudozhnikov* [Vasily Polenov, Yelena Polenova. Chronicle of a family of artists]. Moscow: Iskusstvo; 1964 (in Russian).
- [14] Petrov-Vodkin KS. *Pis'ma. Stat'i. Vystupleniya. Dokumenty* [Letters. Articles. Appearances. Documentation]. Moscow: Sovetskii Khudozhnik; 1991 (in Russian).
- [15] Bordyugov GA. *Ozhidaemaya revolyutsiya ne pridet nikogda. Massovyie protesty kontsa 2011 – nachala 2012 goda na fone grazhdanskogo protivostoyaniya XX veka* [The expected revolution will never come. Mass protests by the end of 2011 – early 2012 against the backdrop of civil war of the twentieth century]. Moscow: AIRO-XXI; 2012 (in Russian).
- [16] Gor'kii M. *Nesvoevremennye mysli* [The untimely thoughts]. Moscow: Kniga po trebovaniyu; 2016 (in Russian).
- [17] Shagal MZ. *Moya zhizn'* [My life]. Moscow: Azbuka; 2000 (in Russian).
- [18] Rozanov VV. *Apokalipsis nashego vremeni* [Apocalypse of our time]. Moscow: Eksmo; 2015 (in Russian).
- [19] Ebert C. *Sinaida Hippus: Seltsame Nahe*. Berlin: OberbaumVerlag; 2004.
- [20] Bunin I.A. *Okayannye dni* [Cursed days]. Moscow: Dar; 2014 (in Russian).
- [21] Voskresenskaya MA. [Russian revolution in perceptions and assessments of cultural elite of the late XIX – early XX century]. *Tomsk State University Journal*. 2008; (314): 75–82 (in Russian).
- [22] Shlosberg LM. *Sovest' i tselesoobraznost'?* [Conscience and expediency?]. *Radio Svoboda*. Available from: <http://www.svoboda.org/a/28141943.html> [Accessed 27 November 2016].

- [23] Sedler AA. Daily life of an intellectual: experience of survival in the period of revolutionary transformation (early 1920s). *Tomsk State University Journal*. 2011. (351): 105–108 (in Russian).
- [24] Gaiton Marullo T. *Ivan Bunin: Russian Requiem, 1885–1920: A Portrait from Letters, Diaries, and Fiction*. Univ. of North Carolina: Raleigh, 1993.
- [25] Koznova NN. [Memoir Prose Russian emigre writers: comprehension of the revolutionary element in the XX century Russia]. *Prepodavatel' XXI vek [Teacher 21st Century]*. М.: Prometey MPGU, 2007; (4): 110–116 (in Russian).

Article history:

Submitted: 19 November 2016

Revised: 12 April 2017

Accepted: 12 April 2017

About the author:

Elena A. Kotelenets, Dr. in history, Professor of the Department of Russian History at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Postal address of the organization: 6, Mikloukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia.

Mariya O. Sergeeva, graduate student of the Department of Russian History at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Postal address of the organization: 6, Mikloukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia.